

2. Официальный англоязычный сайт, посвященный игре Counter-Strike 2, 2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.counter-strike.net/cs2> (дата обращения: 26.04.2024).

УДК 811.111

Монахова Е.В.

кандидат филологических наук

Москва, Россия

*Российский государственный социальный университет,
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
lfursova@mail.ru*

ПАРОЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация: *Статья посвящена рассмотрению особенностей функционирования языковых единиц в политическом дискурсе в свете теории прецедентности. Особое внимание уделено парольной функции использования прецедентных имен как носителей культурно значимой информации в свете основополагающей для различных сообществ оппозиции «свой»-«чужой». В таком контексте прецедентные имена выступают как особые культурные коды, как носители фоновой информации, как рычаги воздействия и формирования мнений и отношений.*

Ключевые слова: *политический дискурс, прецедентность, прецедентное имя, функционирование прецедентных феноменов, парольная функция.*

Monakhova E.V.

Ph.D. in Philology

Moscow, Russia

*Russian State Social University (RSSU),
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia
lfursova@mail.ru*

THE PASSWORD FUNCTION OF PRECEDENT NAMES IN MODERN POLITICAL DISCOURSE

Abstract: *The article examines the specific features of linguistic units in political discourse through the lens of the theory of precedence. Special attention is paid to the password function of precedent names as carriers of culturally significant information, reflecting the fundamental "us"-"them" opposition inherent to various communities. In this context, precedent names serve as unique cultural codes, carriers of background information, and tools for influencing and shaping opinions and attitudes.*

Keywords: *political discourse, precedence, precedent name, functioning of precedent phenomena, password function.*

Политический дискурс является объектом исследования для ученых различных областей знаний, каждый из которых вносит свой уникальный вклад в изучение особенностей политической коммуникации. Наряду с социологией, политологией и другими общественными науками, лингвистика активно занялась исследованием такого сложного и многогранного явления, как политический дискурс; многочисленные труды, посвященные использованию языковых единиц в сфере политики, убедительно доказывают, что язык активно используется для формирования убеждений, влияния на поведение и отношения между представителями одного социокультурного общества.

Политический дискурс и используемые в нем языковые средства явились предметом исследования как в зарубежной, так и отечественной лингвистике. Так, Тён ван Дейк утверждал, что политический дискурс – это способ использования языка для воздействия на восприятие, убеждения и действия других людей в контексте властных отношений [van Dijk, 2006].

Рут Водак подробно рассмотрел речевые акты, тексты и жанры, а также языковые средства, используемые отдельными личностями и группами, связанными с политикой и стремящимися повлиять на других людей [Wodak, 2005]. Исследователь подчеркивает важность изучения различных форм и способов использования языка в политическом контексте, в качестве цели такого рода коммуникации Р. Водак называет влияние одних представителей культурного сообщества на других, успешно используя и манипулируя при этом лингвистическими ресурсами.

Дэвид Р. Гибсон рассмотрел политическую власть в сфере отношений между ее участниками, среди которых он выделил как отдельных индивидов, так и группы, и целые институты. В политический дискурс Д.Р.Гибсон включает переговоры, оспаривание и легитимацию социальной и политической власти. Автор подчеркивает сложность политического дискурса, его изменчивость, а также важность исследования языковых явлений, активно задействованных в языковом изложении политических процессов [Gibson, 2013].

Значительный вклад в изучение политического дискурса внесли и российские ученые. А.П.Чудинов, например, в своей книге «Политическая лингвистика» рассматривал политический дискурс в контексте российской действительности. По его мнению, политический дискурс может быть проанализирован на различных уровнях – от лингвистических и риторических особенностей отдельных текстов до более широких социальных и культурных контекстов, в которых они создаются и интерпретируются. Автор приходит к выводу о важности изучения политического дискурса для понимания того, как язык используется для формирования общественного мнения и принятия политических решений, а также для разработки критических подходов к анализу и интерпретации политической коммуникации [Чудинов, 2006].

Роль стилистических приемов и образного языка в контексте политического дискурса подробно описаны у еще одного отечественного лингвиста – К.Е.Агафоновой. Она отмечает, что использование стилистических средств и ярких мысленных образов может оказать мощное влияние на общественное мнение и принятие решений. Кроме того, по мнению, К.Е.Агафоновой, необходимо обращать внимание на более широкий социальный и исторический контекст, в котором производится и потребляется политический дискурс [Агафонова, 2017].

Таким образом, лингвистической характеристикой *политического дискурса* является использование языка в социальном взаимодействии в контексте отношений политической власти для воздействия на восприятие,

отношение, убеждения и действия других людей, а также для ведения переговоров, оправдания или оспаривания социальных и политических властных отношений.

В качестве мощных лингвистических инструментов, которые активно используются в политическом дискурсе, выступают прецедентные феномены, ставшие предметом исследования в теории прецедентности. Исследование различных аспектов прецедентности тщательно проводилось российскими лингвистами Ю.Н. Карауловым, Н.Д. Арутюновой, Г.Г. Слышкиным, Д.Б. Гудковым, В.В. Красных и др. Понятие «прецедентность», введенное в науку в 80-е годы XX столетия Ю.Н.Карауловым, претерпело значительную интерпретацию и теперь наряду с текстами, значимыми для той или иной личности, хорошо известными широкому кругу общественности и возобновляемыми неоднократно, означают и феномены иного плана. Д.Б. Гудков к прецедентным феноменам относит те явления, с которыми знакомы большинство членов лингвокультурного сообщества, которые хранятся в коллективной памяти народа и актуализируются в речи. [Гудков, 1997]. Выделяют вербальные прецедентные феномены (прецедентное имя и прецедентное высказывание) и вербализуемые, то есть поддающиеся вербализации (прецедентная ситуация и прецедентный текст). Прецедентный текст и прецедентная ситуация «хранятся» в когнитивной базе в виде инвариантов восприятия и могут быть при необходимости «вербализованы». Они могут быть актуализованы посредством вербальных средств через активизацию самого инварианта восприятия или какую-то деталь, атрибут или символ самого прецедентного феномена [Красных, 1997].

Среди прецедентных феноменов особое место занимают прецедентные имена. Прецедентное имя (ПИ)– индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом или с прецедентной ситуацией. Атрибутами ПИ называются некие «элементы», тесно связанные с означаемым ПИ, являющиеся достаточными, но не необходимыми для его сигнификации (например, детали

одежды или внешности). ПИ может характеризовать предмет по одному или нескольким параметрам, может функционировать как символ другого прецедентного феномена (ПТ, ПС или другого ПИ). Прецедентные имена (ПИ) – это имена собственные, которые в то же время, являются частью когнитивной базы носителя языка [Фурсова 2009, 145-146]. Основную долю среди ПИ занимают антропонимы, топонимы, названия произведений, бизнес-объектов и т.д.

Г.Г.Слышкин выделили четыре основные функции апелляции к концептам прецедентных текстов: номинативную, персуазивную, юридическую и парольную. «Номинативная функция языковых единиц состоит в назывании и вычленении фрагментов действительности и формировании понятий о них» [Слышкин 2000, 85]. Суть персуазивной функции заключается в возможности «использования прецедентного текста с целью убеждения коммуникативного партнера в своей точке зрения» [Слышкин 2000, 92]. Использование прецедентных феноменов «как средства экспрессии, перевода речи говорящих в шутливую тональность, наличие двуплановости сообщения, то есть создания фона, на который проецируется актуальное сообщение», характеризует использование прецедентных феноменов в юридической функции [Слышкин 2000, 95]. Парольная функция заключается в «противопоставлении «свои» и «чужие», что пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного мироощущения» [Слышкин 2000, 97]. Использование прецедентных имен в парольной функции свидетельствует о символическом значении, воссоздании и узнаваемости на протяжении всей коммуникации, а также стабильности их семантики и восприятия в рамках индивидуальной лингвокультуры.

В ходе изучения использования прецедентных имен в англоязычном и русскоязычном политическом дискурсе удалось выяснить, что самой распространенной группой лексических единиц, выступающих в парольной функции, являются географические названия (особенно, если они имеют

культурно-историческую значимость): *И давайте вспомним Версаль, заключенный без участия России.* (имеется в виду подписание Версальского мирного договора) (*стенограмма выступления В.В.Путина на заседании клуба "Валдай"*), а также лексические единицы, относящиеся к государственному устройству страны, общественной деятельности, искусству, системе образования, производственным отношениям и т.д. (*Абитуриенты смогут подать заявку с помощью «Госуслуг».* *In September 2023 the government announced £500m (\$620m) of public money to help Tata install an electric-arc furnace, a greener production method in which electricity is used to melt down scrap metal.*). Зачастую такие лексические единицы выражены аббревиатурами с приведением полного варианта реалии или без него: *Правительство России определило категории граждан, которые с 1 июля смогут платить за жилищно-коммунальные услуги (ЖКУ), а также пени за неполные и несвоевременные платежи без комиссии.* *МРОТ в России предлагают увеличить до 30 тыс. рублей.* *...but our central estimate is that the Scottish National Party (SNP) would end up with 32 seats... Social scientists fret that Gen Z-ers, having spent their formative years doomscrolling and suffering from FOMO, are now gripped by an epidemic of anxiety and depression.*

В случае, если речь в тексте идет о «чужой» культуре, и у автора есть сомнение, что прецедентная информация будет декодирована и понята адресатом, она сопровождается авторским комментарием: *...the Strega prize, Italy's most prestigious literary award, and has been widely translated. It was the first in a series that chronicles the rise and fall of Italy's fascist dictator, Benito Mussolini.* В случае отсутствия таких пояснений информационная насыщенность прецедентных имен возрастает и требует от читателя большей интеллектуальной работы при ее декодировании: *It is trailing Marine Le Pen's hard-right National Rally by about 13 percentage points.*

Использование иноязычного написания прецедентных имен в тексте «своей» культуры вызывает либо чувство отчуждения (*По расчетам The World*

Bank, с 1986-го южноафриканская экономика росла, несмотря на санкции, но делала это медленнее, чем мировая.), либо ставит своей целью поднять престиж данной организации, выделиться из ряда подобных (И что этот факт они сами осознавали, пояснил «Известиям» партнер Criminal Defense Firm Даниил Горьков.).

Примечательны случаи совмещения парольной функции с иными функциями, например, с юридической. Названия политических партий в Великобритании имеют разговорные варианты, что снижает тональность повествования и делает ее более шутливой (The Greens promptly said they would support a vote of no confidence in him, and when it became clear that Mr Yousaf would struggle to survive, he fell on his sword.). Подобный эффект создается и при использовании фразеологических оборотов (Виноват Петров, Иванов, Сидоров и ещё кто-то там – Гуревич, я не знаю кто.), в котором Иванов, Петров или Сидоров — это условный, обобщенный человек, кто-то из нас с вами, любой из нас.

Прецедентность выступает как сложное явление, включающее в себя лингвистические характеристики, культурную составляющую, прагматическую установку. Сложность восприятия текста, содержащего прецедентные имена, состоит в трудности интерпретации его культурной составляющей, так как прецедентное имя выступает как носитель культурно значимой информации и требует наличия у реципиента определенных фоновых знаний. Наиболее важной в данном случае становится парольная функция использования прецедентных имен, отражающая особенности мировидения определенного социума, культурную идентичность и самобытность. Использование прецедентных имен сквозь призму соотношения «свой» - «чужой» в политическом дискурсе создает культурно обусловленный фон, при котором прецедентные имена выступают в качестве рычагов воздействия и формирования мнений и отношений.

Список использованной литературы:

1. Агафонова К.Е. Метафора в политическом дискурсе как инструмент воздействия на адресата // Полилингвильность и транскультурные практики, 2017. С. 588 - 593.
2. Гудков Д.Б. и др. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вест. Моск. ун-та, 1997. № 4. С.106-118.
3. Караулов Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. М.: Искусство, 1986. С.98-107.
4. Красных В.В. и др. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Сер.9, Филология, 1997. № 3. С.62-85.
5. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.
6. Фурсова Е.В. Дискурсивные параметры стилистического приема антитезы (на материале англоязычного художественного текста) ... дисс. канд. филол. наук, 2008. 182 с.
7. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2006. 256 с.
8. Gibson, David R. and Swanstrom, Todd, editors. The Politics of Preferences: Earmarks and Interest Group Behavior. Lynne Rienner Publishers, 2013. 212 p.
9. van Dijk, Teun A. Discourse, Context and Cognition. Georgetown University Press, 2006. 319 p.
10. Wodak, Ruth and Paul Chilton (eds.). A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis: Theory, Methodology and Interdisciplinarity. John Benjamins Publishing, 2005. 335 p.